

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА

КНЯЗЯ М. Д. ГОРЧАКОВА.

Жизнь и дѣятельность каждаго человѣка можетъ быть разсматриваема съ двухъ совершенно различныхъ сторонъ: во первыхъ, какъ жизнь отдѣльнаго человѣка, составляющаго особую личность въ цѣломъ человѣчествѣ, и, во вторыхъ, какъ жизнь члена извѣстнаго общества. Въ первомъ случаѣ разсматриваются его общія человѣческія достоинства и недостатки, во второмъ же общественная его дѣятельность, гражданская или военная. Конечно, между этими двумя сторонами человѣческой жизни должна находиться самая полная связь, такъ что личныя качества человѣка, его характеръ оказываютъ постоянное вліяніе на

общественную его дѣятельность и обратно; то положеніе человѣка, которое является вслѣдствіе этой дѣятельности, не можетъ въ свою очередь не вліять на самый характеръ его. Поэтому-то, рассматривая жизнь какого нибудь человѣка, а въ особенности человѣка, занимавшаго высокое положеніе въ своемъ обществѣ, нельзя ограничиваться указаніемъ только одной стороны его дѣятельности: подобное разсмотрѣніе было бы въ высшей степени односторонне и могло бы повести къ самымъ ложнымъ заключеніямъ. При подобномъ одностороннемъ изслѣдованіи, мы, напримѣръ, весьма легко могли бы осудить человѣка, который, имѣя въ своемъ характерѣ и въ своей личности всѣ данныя для блестящей карьеры, былъ, между тѣмъ, на столько несчастливъ, что судьба постоянно поставляла его въ самыя трудныя и безвыходныя положенія, вслѣдствіе чего дѣятельность его не могла быть успѣшною и приносить тѣ результаты, какихъ можно было ожидать отъ него, вслѣдствіе его личныхъ достоинствъ. Неужелижъ дерзнулъ бы кто нибудь осудить подобнаго человѣка за то только, что злополучная звѣзда его не только не устраняла преградъ для его дѣятельности, а, напротивъ, даже создавала постоянно такую обстановку, которая не только вредила этой дѣятельности, но даже могла оказывать вредное вліяніе на его характеръ? Справедливость требуетъ воздержаться отъ подобнаго осужденія, потому что оно было бы въ высшей степени неосновательно.

Подобныя мысли невольно наворачиваются при разсмотрѣніи жизни и дѣятельности покойнаго князя М. Д. Горчакова, который представляетъ собою именно рѣдкій примѣръ человѣка, одареннаго самыми возвышенными душевными качествами, съ характеромъ, вполне достойнымъ всякаго уваженія, но котораго, какъ будто бы, преслѣдовала злополучная его звѣзда, не позволявшая счастью слишкомъ часто улыбаться ему. Что бы ни говорили, но счастье всегда играло и играетъ великую роль въ судьбѣ государственныхъ дѣятелей. Иному любимцу Фортуны оно постоянно благопріятствуетъ, такъ что даже самыя плохія соображенія вѣнчаются успѣхомъ; другой же, какъ бы ни былъ уменъ и предусмотрителенъ, вездѣ встрѣчаетъ однѣ лишь неудачи, и даже самыя лучшія его соображенія, безъ счастья, не будутъ приносить благодѣтельныхъ результатовъ. Къ числу лю-

дей послѣдней категоріи можно отнести и покойнаго князя Михаила Дмитріевича.

Конечно, еще не время писать полную біографію князя Горчакова, по невозможности совершенно точнаго отдѣленія того, что собственно принадлежитъ его ошибкамъ, которыя были и у него, какъ у всякаго человѣка, и что затѣмъ выпадаетъ на долю не благопріятствовавшихъ ему обстоятельствъ. Подобная оцѣнка его жизни, какъ государственнаго дѣятеля на поприщѣ военномъ и гражданскомъ, принадлежитъ исторіи. Мы же постараемся только обратить вниманіе нашихъ читателей на наиболѣе рѣзкія черты жизни князя Горчакова и на тѣ самыя крупныя стороны его характера, которыя могутъ и должны быть замѣчены и оцѣнены его современниками.

Князья Горчаковы—потомки стариннаго княжескаго рода, часто встрѣчающагося на страницахъ русской исторіи и происходящаго отъ князей Черниговскихъ. Такъ, при знаменитой осадѣ Смоленска Поляками (въ 1609 году), князь Петръ Ивановичъ Горчаковъ былъ вторымъ воеводою въ Смоленскѣ и, послѣ мужественной двухъ-годичной защиты города, былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ доблестнымъ воеводою Шенинымъ. Потомокъ этого-то воеводы, сынъ небогатаго дворянина Костромской губерніи, князь Михаилъ Дмитріевичъ, получивъ воспитаніе въ частномъ учебномъ заведеніи, въ 1807 году поступилъ въ службу юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи Артиллерійскій баталіонъ (нынѣ лейбъ-гвардіи 1 Артиллерійская бригада). Будучи въ томъ же году произведенъ въ подпоручики гвардейской артиллеріи, князь Горчаковъ въ 1809 году былъ командированъ въ Грузинскій корпусъ (нынѣ Кавказская армія), гдѣ, состоя адъютантомъ при генералъ-маіорѣ маркизѣ Паулуччи, находился при отраженіи персидскаго отряда, вышедшаго изъ Делижанскаго ущелья, по направленію къ Шамхорскому мосту. Возвратясь въ концѣ 1809 года къ гвардейской артиллеріи, онъ вмѣстѣ съ нею дѣлалъ кампаніи противъ Французовъ 1812, 1813 и 1814 годовъ и съ отличіемъ принималъ участіе въ сраженіяхъ подъ Бородинымъ, Люценомъ, Бауценомъ, при атакѣ Дрездена и подъ Лейпцигомъ. Если вспомнить, сколь разборчиво и даже скуповыдавались въ то время награды за военныя отличія, то надо удивляться, что за эти три года войны князь Горчаковъ получилъ очень много

награды, а именно: ордена Св. Владимира 4 степени съ бантомъ, Св. Анны 2 степени, прусскій военный орденъ «за заслуги» и чинъ штабсъ-капитана за отличіе подъ Бауценомъ.

Уже въ то время способности и образованіе князя Горчакова обратили на него вниманіе начальства, вслѣдствіе чего, съ производствомъ его въ полковники, въ 1817 году, онъ былъ переведенъ въ Генеральный Штабъ, носившій въ то время названіе Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части, а вскорѣ послѣ того, въ 1820 году, назначенъ въ должность начальника штаба 3 пѣхотнаго корпуса, съ войсками котораго, онъ въ чинѣ уже генераль-маіора, дѣлалъ Турецкую кампанію 1828 и 1829 годовъ. Кампанія эта составляетъ одинъ изъ блистательнѣйшихъ эпизодовъ боевой дѣятельности князя Горчакова, и онъ постоянно съ особымъ удовольствіемъ вспоминалъ о ней, и особенно о знаменитой сатуновской переправѣ, въ которой съ отличіемъ принималъ самое дѣятельное участіе и за которую удостоился получить орденъ св. Георгія третьяго класса. Несмотря на сильную, считавшуюся неприступною, позицію Турокъ, защищаемую 8,000 отрядомъ Гассанъ-Паши, несмотря на страшный перекрестный огонь, оборонявшій переправу, войска наши, ободренные личнымъ присутствіемъ Государя Императора, подъ огнемъ непріятеля сѣли на суда, высадились на правый берегъ Дуная и сбили Турокъ съ позиціи. Князь Горчаковъ переѣхалъ въ числѣ первыхъ на правый берегъ, устраивалъ войска въ боевой порядокъ и, подавая примѣръ неустранимости, способствовалъ пораженію непріятеля. Затѣмъ, въ ту же войну, князь Михаилъ Дмитріевичъ участвовалъ при осадѣ и взятіи Силистріи, при блокадѣ Шумлы, а также и въ большей части всѣхъ дѣлъ и сраженій, происходившихъ въ окрестностяхъ обѣихъ этихъ крѣпостей. По окончаніи кампаніи 1829 года, князь Горчаковъ былъ назначенъ генераль-адъютантомъ Его Императорскаго Величества, а передъ самой Польскою войною начальникомъ штаба 1 пѣхотнаго корпуса, въ должности котораго состоялъ до сраженія при Ваврѣ, гдѣ, послѣ раненаго въ этомъ сраженіи генераль-адъютанта Ивана Онуфріевича Сухозанета 1-го, вступилъ въ исправленіе должности начальника артиллеріи арміи, дѣйствовавшей въ Польшѣ. Исполняя съ обыкновенною своею добросовѣстностію эту должность, князь Михаилъ

Дмитріевичъ на совѣщаніяхъ, собираемыхъ главнокомандующими въ теченіе Польской войны, высказывалъ свои дѣльные и правдивыя замѣчанія на происходившія военныя дѣйствія: замѣчанія эти и предположенія князя неоднократно были единодушно всѣми одобряемы (*). Кромѣ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей по званію начальника артиллеріи арміи, князь Горчаковъ часто получалъ и разныя другія порученія, которыя всегда были имъ блистательно выполняемы: такъ онъ распоряжался устройствомъ переправы черезъ Вислу, при Осьекѣ, командовалъ иногда авангардами и, сверхъ того, вмѣстѣ съ арміею участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Гроховымъ, при Остроленкѣ и при штурмѣ Варшавы, не говоря о множествѣ мелкихъ дѣлъ и стычекъ, при которыхъ онъ присутствовалъ.

Способности, выказанныя княземъ Горчаковымъ въ Турецкую и Польскую войны, были причиною назначенія его, еще въ концѣ Польской войны (5 сентября 1831 года), начальникомъ штаба дѣйствующей арміи, должность, въ которой онъ состоялъ до самаго назначенія его, въ 1853 году, командующимъ войсками 3, 4 и 5 пѣхотныхъ корпусовъ; слѣдовательно, собственно у фельдмаршала, графа Паскевича-Эриванскаго, онъ пробылъ начальникомъ штаба почти 22 года, да передъ тѣмъ еще, съ небольшими лишь перерывами, исполнялъ почти 11 лѣтъ должность начальника корпуснаго штаба.

Очевидно, что столь продолжительное однообразіе служебной дѣятельности должно было отразиться не только на характеръ, но даже и на самыя способности князя Горчакова. Начальникъ штаба находится въ постоянной зависимости отъ командующаго корпусомъ или арміею: онъ дѣлается только исполнителемъ приказаній высшаго начальства, при чемъ долженъ непремѣнно входить во всѣ подробности дѣлаемыхъ распоряженій; кругъ же самостоятельной его дѣятельности крайне ограниченъ. Что жъ удивительнаго, если подобныя занятія, особенно, если они продолжительны, имѣютъ вліяніе на развитіе чувства самостоятельности въ человѣкѣ и колеблютъ въ немъ увѣренность въ себѣ? Рѣдкій характеръ и не всякая личность въ состояніи устоять противъ подобнаго вліянія, а

(*) На основаніи записокъ графа К. Ѳ. Толя о Польской войнѣ.

тѣмъ болѣе еще, когда главный начальникъ не терпитъ возраженій, одаренъ желѣзною волею, огромною властію и, вслѣдствіе того, не отличается мягкостію формъ своего обращенія съ подчиненными. Такимъ-то человѣкомъ, при всѣхъ его блестящихъ качествахъ, былъ фельдмаршалъ Паскевичъ, съ которымъ князь Горчаковъ, какъ начальникъ главнаго штаба дѣйствующей арміи и какъ генералъ-губернаторъ Варшавы (съ 1846 года), былъ въ постоянныхъ, ежедневныхъ служебныхъ отношеніяхъ. Отношенія эти непремѣнно должны были оказать вліяніе на характеръ и личность князя Горчакова. Не обладая полною самостоятельностью, при вполнѣ ясномъ взглядѣ на предметы, онъ во многихъ случаяхъ бывалъ нерѣшителенъ и часто, при исполненіи самой вѣрной и обдуманной мысли, колебался. Одно, въ чемъ онъ выказывалъ самую полную рѣшимость, это въ желаніи своемъ посвятить всего себя на службу Государю и отечеству. Совершенно справедливо сказано въ коротенькой статейкѣ, посвященной памяти князя М. Д. Горчакова и перепечатанной почти во всѣхъ нашихъ газетахъ, что «не руку свою готовъ онъ былъ положить на огонь за отечество, но самъ кинулся бы въ пламя, если бы зналъ, что это принесетъ какую либо пользу для государства».

Съ другой стороны, съ лишнимъ тридцатилѣтнее исполненіе обязанностей начальника штаба излишне привязало князя Горчакова къ разнымъ мелочамъ боевой жизни войскъ, мелочамъ, на которыя должно быть обращено полное вниманіе всѣхъ второстепенныхъ лицъ главнаго штаба, а не самого главнокомандующаго. Для послѣдняго этими мелочами только затемняются болѣе важные предметы.

Все это вмѣстѣ должно было оказать вліяніе на всѣ послѣдующія дѣйствія князя Горчакова, когда онъ получилъ возможность дѣйствовать самостоятельно. Притомъ же, и здѣсь судьба выбирала для него какъ будто бы самыя трудныя обстоятельства. Считаемо совершенно лишнимъ, въ настоящемъ краткомъ біографическомъ очеркѣ, входить въ подробное изслѣдованіе всей затруднительности разныхъ положеній, въ которыхъ находился князь Михаилъ Дмитріевичъ во все продолженіе Восточной войны. Событія этой войны и та роль, какую въ нихъ игралъ покойный князь, слишкомъ живы еще въ памяти всѣхъ, чтобы ихъ

повторять здѣсь. Полагаемъ, однакожь, не лишнимъ напомнить, что, несмотря ни на какую затруднительность положенія, князь Горчаковъ никогда не падалъ духомъ и всегда съ рѣдкимъ самоотверженіемъ посвящалъ всю свою дѣятельность на спасеніе чести нашего отечества и нашей арміи. Стоитъ вспомнить только всю неопредѣлительность его положенія на Дунаѣ, затруднительность дѣйствій въ Княжествахъ и ихъ очищеніе, совершенное съ полнымъ успѣхомъ; затѣмъ затруднительность этого положенія нисколько не измѣнилась съ возвращеніемъ нашихъ войскъ въ предѣлы Имперіи, и здѣсь-то князь Михаилъ Дмитриевичъ выказалъ вполне все свое самоотверженіе и дѣйствительно рѣдкое благородство души. Имѣя противъ себя вооруженныя силы сомнительной въ своихъ сношеніяхъ съ нами Австріи, занимая частію южной арміи Добруджу, князь Горчаковъ съ самаго начала понялъ всю важность и значеніе высадки союзниковъ въ Крыму и не только съ полною готовностію отправлялъ отъ себя дивизіи и корпуса въ Крымъ, но и съ свойственною ему предусмотрительностію старался содѣйствовать удовлетворенію всѣхъ матеріальныхъ нуждъ крымской арміи. А, между тѣмъ, его собственное положеніе вовсе не было вполне безопасно; онъ постоянно изыскивалъ всѣ средства для возможно лучшаго противодѣйствія непріятелю, на случай его вторженія въ Бессарабію. Не лишне здѣсь замѣтить, что, между тѣмъ, какъ князь Горчаковъ съ такою полною готовностію ослаблялъ себя, лишь бы усилить крымскую армію, онъ самъ не получалъ въ замѣнъ того никакихъ подкрѣпленій и даже долженъ былъ вести огромную переписку изъ-за того, чтобы присоединить къ своей арміи три сотни казаковъ, расположенныя въ Подольской губерніи.

Событія и военныя дѣйствія, происходившія въ Крыму, постоянно интересовали князя такъ, какъ бы онъ самъ принималъ въ нихъ участіе. Всѣмъ извѣстно, съ какими нетерпѣніемъ онъ ожидалъ возвращенія изъ Крыма своихъ курьеровъ, надѣясь постоянно, не принесутъ ли они какого нибудь благопріятнаго извѣстія. Одного изъ нихъ, штабсъ-капитана генеральнаго штаба Лаврова, везшаго извѣстія объ инкерманскомъ дѣлѣ, онъ встрѣчаетъ на дорогѣ во время поѣздки своей въ Бендеры; несмотря на позднее и ненастное время года, князь выскакиваетъ изъ кареты и, стоя въ грязи, съ лихорадочнымъ трепетомъ, выслу-

шивается рассказъ очевидца объ этой геройской, но неудачной попыткѣ нашихъ войскъ.

Но вотъ наступаетъ самое тяжелое, безвыходное положеніе для Севастополя и крымской арміи: большая часть лучшихъ и ближайшихъ подкрѣпленій истощена, осаждающіе перенесли самое тяжелое время, стали отогрѣваться на весеннемъ солнышкѣ и, наученные опытомъ, сдѣлались вдвое сильнѣе и обезпеченнѣе прежняго. И вотъ въ это-то именно трудное время князь Горчаковъ назначенъ главнокомандующимъ военно-сухопутными и морскими силами, въ Крыму находящимися. Все, что человѣчески возможно было сдѣлать для спасенія чести и славы нашего оружія, было сдѣлано; но вѣдъ противъ невозможнаго нельзя идти, и позднѣйшее потомство и исторія, безъ сомнѣнія, признаютъ, что если въ командованіе князя Горчакова крымскою арміею и были дѣлаемы ошибки, то въ нихъ почти нельзя винить самого главнокомандующаго и что, собственно съ своей стороны, онъ выполнилъ свое назначеніе честно и вполнѣ заслужилъ ту похвалу, которая выражена въ Высочайшемъ рескриптѣ, который князь Михаилъ Дмитріевичъ удостоился получить въ день коронаціи Государя Императора. Въ рескриптѣ этомъ, между прочимъ сказано: «Явивъ себя въ сей тяжкой борьбѣ выше враждебныхъ обстоятельствъ, васъ окружавшихъ, въ мужественномъ ихъ преодолѣніи, въ предусмотрительномъ сохраненіи ввѣренныхъ вамъ войскъ, вы, въ развалинахъ твердынь Севастополя, воздвигли памятникъ несокрушимой славы себѣ и арміи, вамъ порученной, и, въ кровавомъ бою оставивъ эти развалины, совершили съ арміею небывалую въ военной исторіи переправу черезъ морской заливъ, не отдавъ болѣе ни пяди русской земли».

Дѣйствительно, князь Горчаковъ тѣсно связалъ свое имя съ Севастополемъ, положивъ начало этой связи въ то время еще, когда не былъ главнокомандующимъ крымскою арміею. Поэтому вполнѣ естественно послѣднее желаніе князя, завѣщавшаго, чтобы его похоронили въ сѣверномъ укрѣпленіи Севастополя. Сколько мыслей вызываетъ эта послѣдняя, предсмертная воля бывшаго главнокомандующаго крымскою арміею!

Постоянныя неудачи въ кампанію 1853 — 1856 годовъ непремѣнно должны были сильно поколебать и безъ того уже

изнуренное прежними трудами, здоровье князя Горчакова, который съ обычною своею прямою и откровенностию, нисколько не старался прикрашивать дѣйствительность. Прощаясь однажды въ Бахчисараѣ, вскорѣ по очищеніи Севастополя, съ однимъ изъ приближенныхъ къ нему лицъ, получившемъ новое назначеніе, князь задумался и перешелъ къ воспоминаніямъ послѣднихъ событій.

— Да, началъ онъ: — въ одно время съ вами, мы покинули Варшаву, въ одно время явились на Прутъ и весело пришли на Дунай. И сколько пережили — цѣлый рядъ дѣлъ доблестныхъ, много дней кровавыхъ, но немного насчитаемъ мы дней радостныхъ!,...

Слушавшій князя напомнилъ ему переправу черезъ Дунай, 11 марта 1854 года, и переправу черезъ севастопольскую бухту 27 августа 1855 года.... Дѣйствительно, обѣ эти переправы, вмѣстѣ съ переправами черезъ Дунай, въ 1828 году, и черезъ Вислу, при Осекѣ, въ 1831 году, составляютъ блестящую славу князя Михаила Дмитріевича Горчакова и тѣсно связываютъ его имя съ лучшими страницами нашей военной исторіи.

Съ назначеніемъ главнокомандующимъ войсками въ Крыму генералъ-адъютанта Лидерса, князь Горчаковъ былъ отозванъ въ Петербургъ и въ январѣ 1856 года, по смерти фельдмаршала князя Паскевича, назначенъ намѣстникомъ Царства Польскаго, а вскорѣ послѣ того и главнокомандующимъ вновь образованною 1-ю арміею, въ каковой должности и оставался по день самой смерти своей, постигшей его на шестьдесятъ-девятомъ году отъ рожденія. И здѣсь также, на этомъ новомъ мѣстѣ, князь встрѣтилъ много не благопріятствующихъ ему обстоятельствъ, однакожь умѣлъ преодолевать ихъ, и, безъ всякаго сомнѣнія, безпристрастные жители Царства Польскаго долго сохранять воспоминаніе о безкорыстіи и всегдашней прямодушной, рыцарской честности покойнаго князя Михаила Дмитріевича.

Такова была государственная дѣятельность князя Горчакова, дѣятельность, постоянно затрудняемая различными неблагопріятными обстоятельствами, изъ которыхъ, однакожь, князь умѣлъ выходить на столько хорошо, на сколько это было человѣчески возможно. Заслуги покойнаго постоянно справедливо были оценываемы двумя Государями; а чтобъ оставить и на будущее

время воспоминаніе о князѣ Горчаковѣ въ рядахъ нашей арміи, Государь Императоръ изволилъ приказать, чтобы полкъ, шефомъ котораго былъ князь Горчаковъ, именно Брянскій пѣхотный, именовался и впредь его именемъ — отличіе, даруемое только генераль-фельдмаршаламъ.

Но обратимся къ личному характеру князя Михаила Дмитриевича. Въ этомъ отношеніи покойный заслуживаетъ самое поднѣбшее сочувствіе своихъ согражданъ и современниковъ. Въ его характерѣ было много такихъ сторонъ, которыя рѣдко встрѣчаются въ нашъ вѣкъ, да еще въ нашемъ обществѣ. Самоотверженіе его, какъ мы уже упоминали, не имѣло предѣловъ. Честность, открытый и прямой характеръ возбуждали къ нему общее уваженіе и любовь всѣхъ, кто зналъ его поближе. Правда, что, вслѣдствіе прямоты своего характера, князь иногда говорилъ свои замѣчанія въ формахъ нѣсколько угловатыхъ, но за то съ своей стороны онъ допускалъ всякій споръ, допускалъ даже рѣзкость выраженій, выслушивая подчиненнаго съ большимъ вниманіемъ, и, весьма часто, въ подобномъ спорѣ, столь же быстро сознавалъ свои ошибки, какъ и впадалъ въ оныя. Во время спора князь не стѣснялся въ словахъ: «что за вздоръ!» было любимымъ его выраженіемъ. Ненавидя всякаго рода ложь, эффектность, неестественность, князь чуждался всякой изысканности, былъ простъ въ обращеніи со всѣми, не принаравливался ни къ обществу, ни къ личности, не искалъ популярности, не заискивалъ въ солдатахъ, не поддѣлывался подъ ихъ рѣчь и манеры, но за то заботился о нихъ денно и ночно.

Князь любилъ говорить съ солдатомъ, но, при неясной его рѣчи, онъ говорилъ крайне невнятно: солдаты не понимали его слова, но инстинктивно любили храбраго русскаго князя, довѣрчиво слѣдовали за нимъ и звали его *честнымъ княземъ*.

И дѣйствительно: простой русскій солдатъ какъ нельзя вѣрнѣе оцѣнилъ этимъ прозвищемъ князя Горчакова: честность и безграничное безкорыстіе составляли отличительную черту его характера, при чемъ не лишне замѣтить, что, при довольно многочисленномъ семействѣ, средства князя Михайла Дмитриевича были весьма ограниченны и состояли преимущественно изъ поду-

чаемаго вмѣ содержанія и Высочайше жалованныхъ ему арендъ и наградъ.

Трудно найти, чтобы люди даже гораздо болѣе богатые были бы болѣе усердны въ сбереженіи казенныхъ интересовъ, чѣмъ князь Горчаковъ.

Въ отношеніяхъ служебныхъ князь Михаилъ Дмитріевичъ былъ холоденъ ко всему его окружавшему. По его мнѣнію, служба должна была двигаться какъ машина, въ ней исчезалъ человекъ, онъ дѣлался простымъ колесомъ, дѣйствующимъ для общественной пользы; оттого-то князь въ случаѣ нужды и самъ не зналъ отдыха и не давалъ отдыха другимъ: по его мнѣнію, нельзя было отдыхать, пока остается еще хотя что нибудь не исполненнымъ. Всѣ труды и занятія свои князь Горчаковъ выполнялъ съ необыкновенною любовью къ дѣлу, съ самоотверженіемъ и съ какою-то лихорадочною живостію. Работалъ онъ весьма много. Постоянная дѣятельность мысли была причиною почти постоянной разсѣянности, по поводу которой сохранилось очень много разныхъ разсказовъ и анекдотовъ. Въ ночныхъ занятіяхъ надъ планами и картами князь значительно повредилъ своему зрѣнію: онъ былъ очень близорукъ.

Князь писалъ собственноручно весьма много, преимущественно карандашомъ, и, притомъ, очень неразборчиво. Не будучи иногда въ состояніи самъ разобрать написанное, онъ обращался, обыкновенно, къ тѣмъ немногимъ лицамъ, которыя разбирали его руку. Князь вполнѣ владѣлъ языкомъ французскимъ и русскимъ; частныя письма его отличались прекраснымъ слогомъ, ясностію и правильностію изложенія и какою-то особою, замѣчательною оригинальнію; письма его на французскомъ языкѣ были особенно хороши.

О хозяйствѣ своемъ князь Горчаковъ вовсе не заботился. Какъ оно шло, это ему было совершенно все равно: про то зналъ его *Левонтій*, какъ онъ называлъ своего камердинера. Несмотря на слабое здоровье, несмотря на несостоятельность желудка, князь былъ невоздерженъ въ пищѣ, преимущественно вслѣдствіе своей разсѣянности. Вина никогда не пилъ и запрещалъ даже ставить его близко къ себѣ, говоря, что въ разсѣянности онъ будетъ пить его какъ воду.

Несмотря на то, что постоянныя усиленныя кабинетныя за-

нятія должны были совершенно изсушить сердце князя Горчакова, онъ, однакожъ, по временамъ выказывалъ полную, удивительную теплоту души. Вотъ что рассказывалъ намъ одинъ изъ бывшихъ близкихъ подчиненныхъ князя Михаила Дмитріевича:

«Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1848 года, я прибылъ въ главный штабъ дѣйствующей арміи, и служебныя занятія вскорѣ поставили меня въ постоянныя, непосредственныя отношенія къ князю. Никогда я не встрѣчалъ, и, конечно, никогда не встрѣчу, другой личности, которая бы съ такимъ самоотверженіемъ и съ такою любовью предавалась труду служебному, какъ князь Михаилъ Дмитріевичъ. Не было отрасли занятій, въ которую бы онъ не вникъ совершенно; даже пустые, повидимому, мелочные труды онъ обсуждалъ и рѣшалъ самъ.

«Занятія все болѣе и болѣе сближали меня съ княземъ. Но въ то самое время, когда я беззаботно предавался жизни и трудамъ, надъ моею головою собиралась грозная туча, которая была тѣмъ страшнѣе, что обрушилась совершенно неожиданно....

«Меня потребовали къ князю. Съ тревожнымъ и безпокойнымъ видомъ встрѣтилъ меня князь Михаилъ Дмитріевичъ.

— «Что вы сдѣлали, спросилъ меня князь: — васъ велѣно арестовать и отправить....

«Ничего я не сдѣлалъ и не было преступленія на моей совѣсти; но безпокойство князя, слова: арестъ, отправить, поразили меня. Кровь привалила къ сердцу, душно мнѣ стало.

— «Не написали вы чего, не проболтались ли? спросилъ меня князь.

— Не знаю, ваше сіятельство, отвѣчалъ я:—могъ я и прописаться и проболтаться, но смѣю завѣрить васъ, что преступленія нѣтъ за мною.

— Надѣюсь. Грустно мнѣ съ вами расставаться; но прощайте. Дай Богъ, чтобы во всемъ этомъ было одно только недоразумѣніе.

«Я направился къ дверямъ кабинета. Князь остановилъ меня и, притворивъ двери, началъ:

— «Я принимаю самое живое участіе въ вашемъ несчастіи, убѣжденъ, что вы не столько виноваты, увѣренъ, что вы не

преступникъ.... Не какъ начальникъ штаба, а какъ князь Горчаковъ, чѣмъ могу быть полезнымъ вамъ?

«Меня глубоко тронуло такое вниманіе, высказанное притомъ самымъ сочувствующимъ мнѣ голосомъ, и я просилъ князя, чтобы, въ случаѣ какого либо несчастія со мною, извѣстіе о томъ дошло сколь возможно позже до моей престарѣлой матери, у которой я одинъ сынъ, и чтобы, по возможности, были устранены отъ нея горе и нужда.

«Князь крѣпко пожалъ мнѣ руку, слеза блеснула на его рѣсницѣ, и онъ сказалъ:

— «Будьте покойны, я стану сыномъ вашей матушки.

«Мало того: когда меня отправили, князь призвалъ къ себѣ одного изъ близкихъ къ нему офицеровъ и поручилъ ему принять къ себѣ на сохраненіе всю мою мебель, имущество и лошадей и даже выдалъ ему денегъ на содержаніе послѣднихъ.

«Когда же, черезъ мѣсяцъ, обстоятельства, бывшія причиною моего ареста, уяснились и я вернулся снова въ Варшаву, то князь снова принялъ меня въ прежнюю должность.»

Личная храбрость хотя и можетъ считаться не вполне необходимою для полководца, однакожь, не лишняя въ немъ, и особенно не та храбрость, которая заставляетъ человѣка съ увлеченіемъ идти въ огонь, а та, вслѣдствіе которой человѣкъ остается совершенно спокойнымъ и равнодушнымъ передъ лицомъ какихъ бы то ни было опасностей. Такою-то именно храбростію вполне обладалъ князь Горчаковъ. Онъ не сознавалъ опасности; возможность быть убитымъ или раненымъ ему не приходила въ голову; онъ не допускалъ мѣрь осторожности; заботы о самосохраненіи онъ называлъ трусостію. Холодное пренебреженіе его къ смерти вовсе нельзя было остановить указаніемъ на великость опасности, а развѣ только намекомъ на нарушеніе этимъ служебныхъ обязанностей. Такъ однажды, въ 1854 году, при осадѣ Силистріи, князь ходилъ по траншеямъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ и безпрестанно влѣзалъ на валъ траншеи, высовывался въ сложенные изъ земляныхъ мѣшковъ бойницы и очевидно привлекалъ на себя непріятельскія пули. На всѣ замѣчанія, дѣлаемые сопровождавшими его лицами, князь постоянно отвѣчалъ своей любимой поговоркой: «что за вздоръ!» Наконецъ, генералъ Бельгардъ доложилъ князю, что

высовываться между мѣшковъ, вѣнчающихъ насыпь, строго запрещено солдатамъ, которые, видя, что главнокомандующій нарушаетъ это приказаніе, могутъ подумать, что онъ нарочно ищетъ турецкой пули.

— Правда, отвѣчалъ князь: — больше не буду, тѣмъ болѣе, что я ничего не вижу.

Совершеннѣйшее презрѣніе къ смерти дало поводъ многимъ утверждать, что будто бы въ дѣлѣ на Черной (4 августа) князь Горчаковъ искалъ смерти, кидаясь всюду подъ ядра и пули (*). Но это въ высшей степени несправедливо. «Человѣкъ этотъ никогда не думалъ о себѣ—сказано въ вышеупомянутой нами газетной статьѣ—ни во время войны, ни во время мира: забота о своей личности для него было чувство неизвѣстное. Онъ отдалъ всего себя служенію своему Государю и отечеству, которое лишилось въ немъ лучшаго гражданина, лучшаго человѣка.»

Сжатость настоящаго очерка не позволяетъ намъ привести здѣсь весьма многіе рассказы, рѣзко характеризующіе князя Горчакова, которые намъ удавалось слышать отъ лицъ, бывшихъ съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ. Но не можемъ не передать хоть одинъ изъ этихъ рассказовъ, какъ особенно выказывающихъ все благородство души и прямоту характера покойнаго князя Михаила Дмитриевича (**).

Послѣ переправы черезъ Дунай, въ 1828 году, въ которой князь Горчаковъ принималъ самое дѣятельное участіе, ему выдано было нѣсколько георгіевскихъ крестовъ для раздачи солдатамъ. При этой раздачѣ забытъ былъ егерь Брянскаго полка, Василій Прохоровъ, который былъ лично извѣстенъ князю, какъ brave солдатъ, въ числѣ первыхъ при переправѣ выскочилъ на берегъ, но, будучи раненъ, не попалъ въ число счастливыхъ, получившихъ георгіевскіе кресты.

«Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ переправы — рассказы-

(*) Въ Севастополѣ, когда князь Михаилъ Дмитриевичъ носилъ бѣлую фуражку съ широкимъ доньшкомъ и, въ видахъ охраненія своего зрѣнія, съ очень длиннымъ козырькомъ, то солдаты, видя его ходящимъ безстрашно подъ самымъ сильнымъ огнемъ, говорили, что ему непріятельскіе снаряды не повредятъ, потому что фуражка ему служитъ биндажемъ.

(**) Рассказъ этотъ переданъ намъ г.-м. Меньковымъ, слышавшимъ его отъ самого князя Горчакова въ 1855 году.

валъ самъ князь Горчаковъ—Василій Прохоровъ является ко мнѣ и требуетъ у меня креста за персправу. Долго и напрасно увѣрялъ я его, что теперь поздно, что всѣ кресты уже розданы. Наконецъ мы помирились на томъ, что такому молодцу, какъ Прохоровъ, тужить не о чемъ, что вскорѣ начнется осада Силистріи, работы будетъ много. При первой вылазкѣ, сказавъ я Прохорову, или же при первомъ дѣлѣ съ непріателемъ подъ крѣпостью, онъ найдетъ меня впереди, и тогда пусть явится ко мнѣ и я расквитаюсь съ нимъ крестомъ.

«1 мая 1829 года войска наши подошли къ Силистріи, 5 мая обложили крѣпость, при чемъ произошло нѣсколько жаркихъ схватокъ. Подо мною была убита лошадь въ самомъ началѣ дѣла, и я уѣхалъ въ лагерь.

Въ ночь съ 5 на 6 число, далеко за полночь, я слышу около своей палатки громкій споръ кого-то съ моимъ камердинеромъ; кто-то настойчиво требуетъ, чтобы меня разбудили. Я выскакиваю изъ палатки—передо мною Василій Прохоровъ, сопровождаемый унтеръ-офицеромъ своей роты. — «Ваше сіятельство! смѣло началъ Прохоровъ:—сегодня было дѣло, я былъ впереди, дрался хорошо, вотъ и свидѣтель тому. Мѣсяцъ назадъ, вы сказали мнѣ, что будете впереди—и не сдержали слово: я искалъ васъ повсюду — и спереди и сзади — васъ не было! Я пришелъ вамъ доложить объ этомъ, а то, чего добраго, мой крестъ опять пропадетъ.» — Насилу я могъ оправдаться передъ Прохоровымъ, насилу увѣрилъ его, что я былъ въ дѣлѣ, но уѣхалъ потому, что на первыхъ же порахъ подо мною убита была лошадь: я долженъ былъ показать ему мою ушибленную руку.

«На другой день я выпросилъ ему крестъ».

Всякій, кто хоть немного знаетъ князя Горчакова, согласится, что въ этомъ разсказѣ ничего не преувеличено, не прикрашено: къ этому не способенъ былъ князь. Онъ, напротивъ, находилъ вполне естественнымъ, что долженъ былъ оправдаться въ глазахъ простаго солдата, который ночью поднималъ его съ постели, обвиняя въ томъ, что князь не сдержалъ своего слова.

— «И этимъ еще не кончилось, прибавилъ князь въ зак-

люченіе своего разсказа : Василій Прохоровъ, съ запоздальмиъ крестомъ и несдержаннымъ словомъ, пилилъ меня лѣтъ двадцать сряду. По выходѣ въ отставку, онъ поселился въ Варшавѣ, увѣрялъ, что сдѣлался охотникомъ, и ежемѣсячно приносилъ мнѣ купленную имъ на рынкѣ дичь и всякій разъ требовалъ за это по червонцу.»
